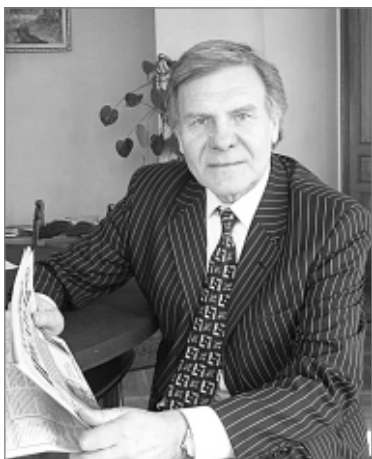

Александр БОБРОВ,
Москва

Загадочное и символическое для меня совпадение: в один день – 19 апреля – родился мой старший брат – сталинский сокол Николай Бобров и немецкий лётчик-истребитель – гитлеровский ястреб Эрих Хартманн.

СОКОЛ И ЯСТРЕБ

Только Коля родился в 1921 году, а Эрих на год позже. Но в один день! Усилиями геббелевской пропаганды, западной мемуаристики и наших либеральных издателей и журналистов немецкий лётчик – действительно ас воздуха – считается небожителем, самым успешным пилотом-истребителем за всю историю авиации. Можно прочитать в бесчисленных источниках, что в ходе Второй мировой войны (не всей) он совершил 1404 боевых вылета, одержав 352 воздушные победы в 802 воздушных боях. За небольшой рост и моложавый вид получил прозвище Bubi – малыш. Будучи в довоенное время пилотом планера, Хартманн вступил в ряды люфтваффе в 1940 году, а в 1942 году, когда уже геройски погиб мой старший брат, лётчик-бомбардировщик, окончил

Н.А. Бобров

курсы подготовки пилотов. Вскоре он был направлен в 52-ю истребительную эскадру на Восточный фронт, где попал под опеку опытных пилотов-истребителей люфтваффе, воевал на юго-западном направлении, совершил более тысячи вылетов после того, как на 67-м боевом вылете в небе над Карельском перешейке был подбит СБ-2 моего брата... И, конечно, в небе, в реальных полыхавших событиях, нигде не мог пересечься с Бобровым, защищавшим Ленинград на северо-западном направлении. Только в моей памяти и книге.

Не стану сейчас продолжать идейные и фактические споры, опровергать восторженные материалы на «Эхе Москвы» и в журнале «Дилетант», где журналистка просто захлёбывается от восторга: «Высшая награда рейха – Рыцарский крест с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами. Слава лучшего аса не только Второй мировой войны, но всех времен и народов, рекорд которого уже никогда не будет побит... „Белокурый германский рыцарь“, „черный дьявол Украины“ Эрих „Буби“ – Хартманн!». Потом умирает свой пыл: «Можно сказать, что Эрих Хартманн был и оставался славным парнем, если забыть, чьи самолеты он сбивал. Но забывать нельзя. Если в Германии его с умилением и восторгом называли „белокурый германский рыцарем“, то в небе над нашей Малороссией он получил прозвище „черного дьявола Украины“, поскольку его результативность дорого нам стоила. Всего Хартманн подбил 352 самолета – цифра фантастическая и подвергаемая сомнению. А начинал Буби – второе его прозвище за молодость, – на редкость неудачно, даже нелепо. Летать его еще подростком учила мать, опытная летчица-спортсменка. Пройдя обучение в знаменитой летной школе в Гатове под Берлином, затем во 2-й Школе летчиков-истребителей, Эрих Хартманн в возрасте всего лишь 20 лет был направлен в Geschwader 52, воевавший над Кавказом. И в третьем же воздушном бою, вместо того, чтобы прикрывать ведущего, умудрился попасть в его зону обстрела, потерял ориентацию и скорость и, что называется, плюхнулся, то есть сел, выведя самолет из строя. Кое-как добрался до аэродрома на грузовике и получил нагоняй».

Вообще, он приземлялся, выйдя из боя, бросая машину, 14 раз (!), два раза попадал в плен, то есть по меркам советской стороны – давно мог бы попасть под трибунал. Не стану заниматься и опровержением количества побед. Тут тоже много написано, достаточно привести пространную цитату из книги Юрия Мухина: «Все апологеты немецких асов с пеной у рта уверяют, что факт сбития немецким асом самолета, который записан ему в летную книжку, тщательно проверялся и подтверждался. Цитировать очень длинно, поэтому я апологетам перескажу своими словами, как „проверялся“ факт сбития Хартманном 301-го самолета. 24 августа 1944 г. Хартманн слетал утречком на охоту и, прилетев, сообщил, что у него уже не 290, а 296 побед над „иванами“. Покушал и снова полетел. За этим полетом следили по радиоразговору, и Эрих не подвел – он по радио наговорил еще 5 побед. Итого стало 301. Когда он сел, на аэродроме уже были цветы, флаги, гирлянда ему на шею (как у нас Стаханова из забоя встречали), а утром

следующего дня его вызвал командир JG-52 и сообщил: *“Поздравляю! Фюрер наградил тебя Бриллиантами”*. И ни малейшего намека на то, что кто-то пытался проверить эту байку о том, что он в один день и в двух боях сбил 11 самолетов. А в дневнике боевых действий за 24 августа штаб записал ему только “Аэрокобру”. Одну. И всё. В связи с этим у меня возникает гипотеза. То, что 352 сбитых Хартманом самолета – это брехня, по-моему, уже всем должно быть ясно. В его летную книжку записывали всё, что он придумает, или, в лучшем случае, те самолеты, по которым он стрелял и что было зафиксировано фотопулеметом. Но **точно** цифру сбитых самолетов немцам-то ведь надо было знать! Поэтому полагаю, что штаб JG-52 запрашивал у наземных войск подтверждения о сбитых самолетах (ведь Хартман сбивал над своей территорией, и наземные войска могли это подтвердить). Если сбитие подтверждалось, то наземные войска могли подтвердить и тип самолета. Тогда сбитый самолет заносился в список, и этот список штаба JG-52 посылался в штаб Люфтваффе. Но если сбития заявленного самолета или его обломков никто не видел, то такая “победа” отсылалась только в министерство пропаганды Геббельса. Я не вижу другого логичного объяснения».

У нас любят такие книги

Даже переводчик книги американских авторов «Белокурый рыцарь рейха» с гонимой фамилией А. Больной в предисловии к апологическому труду Р. Толивера и Т. Констебля написал: «Первый, совершенно парадоксальный вывод, возникающий после прочтения книги. Эрих Хартманн не провел ПОЧТИ НИ ОДНОГО воздушного боя. Столь милую сердцу наших пилотов воздушную карусель он отрицал принципиально. Набор высоты, пикирование на цель, немедленный уход. Сбил – сбил, не сбил – неважно. Бой прекращен! Если и будет новая атака, то лишь по этому же принципу. Сам Хартманн говорит, что по крайней мере 80 % сбитых им пилотов даже не подозревали об опасности. И уж подавно никакого мотания над полем боя, чтобы “прикрыть свои войска”. Между прочим, однажды против этого восстал и Покрышкин. “Я не могу

ловить бомбы своим самолетом. Перехватывать бомберы будем на подходе к полю боя”. Перехватили, получилось. А после изобретательный пилот по шапке получил. Зато Хартманн только и занимался охотой. Так что, его 800 боев будет более справедливо назвать воздушными столкновениями, что ли».

Нескрываемое раздражение порой сквозит в мемуарах наших летчиков по поводу тактики немецких асов. Свободная охота – и никак ему бой не навяжешь! К тому же, повторяю, Хартманн совершил 14 вынужденных посадок. Эта фраза мелькает в книге лишь один раз. Авторы любят своего героя, поэтому не нажимают на данном факте, но все-таки не могут его скрыть. Вот, например, бой с восемью «Мустангами». У Хартманна кончилось горючее, и он что? – пытается спасти самолет? Ни в коем случае. Он только и выбирает случай, чтобы поакратнее выброситься с парашютом. У него не возникает даже мысли спасти самолет. Так что на получивших по 150 попаданий (!) самолетах, не вышедших из боя, возвращались только наши летчики. Да за одну лишь фразу-напутствие: «Оцените ситуацию и лишь после этого решайте: атаковать или нет?», – у нас Хартманн немедленно пошел бы под трибунал. А у немцев стал лучшим асом. Так что не стоит сравнивать несравнимое. Прямо скажем, что Хартманн не был безоглядным храбрецом, но был коварным асом, опытным летчиком с превосходным ястребиным зрением, видевший машину раньше противника, и опытным тактиком, умевшим использовать преимущество боевой машины: например, немецкий истребитель мог летать на высоте 5-5,5 км, а «Як» – на высоте только 3-3,5 км. Вообще, из книги перед нами предстает взбалмошный, истеричный любитель выпить, чуждый всякой дисциплины. Но это скорее в глазах русского читателя оживает образ...

Хартманн с невестой Урсолой

Меня больше заинтересовал материал Владимира Чунихина, который очень часто встречается на разных сайтах и называется: «Письма Урсолой Пётч». Там тоже очень много соображений, примеров-опровержений и сомнений в количестве сбитых самолётов, несмотря на немецкое фотооборудование: «Вот, кстати, еще каверза фотопулемета. Немецкий ас привозит домой пленку, а на ней – в прицеле пять горящих самолетов одного типа. Летчику – большую конфету за пять сбитых самолетов. А на самом деле это один упрямый “Иван” дымил, но не хотел падать. И немец пять раз заходил в атаку под разными углами».

Отличи, попробуй, на пленке один однопотный самолет от другого.

Кстати, и в связи с этим. Глядя на список побед Хартманна, бросается в глаза одна занятная деталь. Если за один вылет он сбивал несколько самолетов, то они, обычно, записаны почему-то как однотипные. Ну, один раз. Ну, два. Но это же как правило.

Например, возьмём 1944 год.

23 января. Сбил 4 самолета. Все четыре – Ла-7.

29 мая. Сбил 3 самолета. Все три – Ла-7.

31 мая. Тоже 3. Все три – «Аэрокобры».

4 июня. Сбил 7 самолетов. Все семь – Як-9.

24 июня. Сбил 5 самолетов. Все пять – «Мустанги».

24 августа. Сбил 10 самолетов. Все десять – «Аэрокобры».

Странно, не правда ли? В воздухе собачья свадьба, крутятся иногда одновременно десятки самолётов самых разных типов. А Хартманн, как изюм из булки, выковыривает оттуда поочередно именно десять аэрокобр».

Повторяю, много точных и любопытных примеров. Единственное, чего там нет – это как раз... писем к невесте Урсуле. Мне хотелось сравнить их с письмами моего старшего брата своей возлюбленной Ирине Старичковой, которые я публиковал в «Невском альманахе» и в «Советской России», чтобы наглядно представить образы двух лётчиков – советского и фашистского. Подчёркиваю: представителя фашистской армии. Отсюда, может быть, и все рекорды именно на Восточном фронте. На Западе немцы воевали в воздухе с противником, которого они публично уважали. По крайней мере, любому здравомыслящему немцу, как на фронте, так и в тылу, должно было быть понятно, что при всём качестве немецкой техники, западная лётная техника, если и уступает в чём-то немецкой, то ненамного. Подготовка лётчиков Англии, Франции, США тоже ненамного уступала немецкой (это должно было помниться еще со времен Первой мировой войны). Поэтому потери немецких лётчиков в боях на Западе вопросов у немцев не вызывали. И руководству рейха ничего объяснять было не надо ни армии, ни обществу. На Востоке – иная ситуация. Гитлеровское государство было государством, принявшем господствующую расовую идеологию, оно было официально расистским: славяне, а уж тем более евреи, объявлялись на государственном уровне неполноценной расой. Это провозглашалось первыми лицами рейха как одна из основ и главное оправдание восточной политики германского государства. Однако с началом войны с СССР оказалось вдруг, что люфтваффе в России начало нести потери не меньшие, чем на Западе. А то и более ощутимые! Как объяснить германскому народу такие потери своей авиации от тупых «иванов», недочеловеков, жидовских комиссаров, летающих на примитивных фанерных самолетах? Объяснить можно было только так, как это и объяснялось в случае с Хартманном: потеряли один – сбили десять, потеряли десять – сбили сто.

Дошло до того, что Хартманн, который фактически командовал эскадрилей, начиная с лета 1943 года, сам подписывал заполненные на себя же анкеты по сбитым самолётам. А до этого долгое время был

Ирина Старичкова – невеста Н. Боброва

ведомым у своего командира эскадрильи, обер-лейтенанта Крупински. Иными словами, был наиболее близким ему лётчиком, поскольку должен был оберегать его жизнь. Во всяком случае, именно Хартманн обычно был главным (или единственным) свидетелем, который должен был подтверждать воздушные победы своего командира. Когда же Хартманн сам стал ведущим пары и у него пошёл бурный рост счёта личных побед, анкеты на самолёты, сбитые уже им самим, подписывал всё тот же Крупински. Понимаю, конечно, они – рыцари с крестами, но ведь это похоже на анекдот. Но наших апологетов германских асов объединяет непоколебимая уверенность в том, что каждая победа немецких лётчиков проверялась тщательнейшим образом. Но мы видим явные примеры приписок, а у нас существовали жёсткие условия, установленные советским командованием, ограничивающие возможные приписки личных счетов истребителей.

Маршал авиации Руденко в своих мемуарах писал, что в 16-й воздушной ар-

мии, начиная со Сталинграда (то есть с момента формирования), существовал порядок зачёта сбитых немецких самолетов, только когда предьявлялись снятые со сбитых самолетов... заводские таблички. Обычно – с двигателями. Понятно, что кадры фотопулемёта о попадании в самолёт противника ни в какое сравнение не идут со снятием заводской бирки с его двигателя? Но всегда ли этого можно добиться? Кстати, поисковики отряда «Безымянный» нашли двигатель от полыхавшего СБ-2 экипажа брата на глубине 7 метров – целый котлован выкопали в лесу за Лемболово. А тут – в пекле войны снимай-отвинчивай! Другой пример. В 1943 году в 4-й воздушной армии была собрана конференция лучших лётчиков. Вот что говорил в своем выступлении Покрышкин (из его воспоминаний): «Потом затронул другой волновавший нас вопрос: почему лётчикам-истребителям не засчитывают тех сбитых немецких самолетов, которые упали за линией фронта, на оккупированной врагом территории? Получалась какая-то нелепость:

Обложка книги А. Боброва «Звезда над озёрами»

ставителя задача встречать и уничтожать воздушного противника в глубине его обороны, а результаты этих боев не принимаются в расчёт. Не случайно многие летчики стараются держаться своей территории».

Сплошь и рядом наши летчики сетовали на то, что на самом деле они сбили больше, а засчитано им меньше. Тот же Покрышкин упоминал свои незасчитанные победы – больше десяти. Но, даже учитывая все мистификации, на счету лучших немецких летчиков действительно больше побед. Значит ли это, что мастерство самого результативного нашего лётчика-истребителя – Ивана Кожедуба (64 победы) в 5,5 раза ниже, чем у Хартманна? Ничего подобного. За время войны «белокурый рыцарь рейха» сделал 1425 боевых вылетов. Тогда как Иван Никитич – всего 330. Выходит, в процентном отношении показатель у них примерно одинаков – 4-5 вылетов на одну победу. Кожедуб, к примеру, очень переживал, что ему не дали поучаствовать в боях на Курской дуге. Там бы он, без сомнения, улучшил свой показатель в гуще боёв. У эскадрилья Кожедуба воевала на другом фронте, хоть и находилась неподалеку. У дважды Героя Бориса Сафонова, например, на личном счету числилось 22 лично сбитых немецких самолёта. Однако, у него же имелось 8 неподтвержденных побед, когда сбитые им немцы падали в море. И они ему не засчитывались. Асам люфтваффе – верили на слово. И даже, что вообще анекдотично – по письмам... невесте Урсуле, как в случае с Хартманном. Об этом упоминается в разных развенчаниях, но сами письма, повторяю, так и не приведены.

Зато есть мемуары ещё одного великого аса третьего рейха, пилота бомбардировщика «Ю-87» Ганса-Ульриха Руделя. Написано это было им по доброй воле и предназначено для самого широкого круга западных читателей. И так, насладитесь и улыбнитесь: «...В конце октября (1944-го года. – А.Б.) начинается наступление по всему этому сектору, сначала следует удар к северо-западу и северу в направлении Кечкемета. Его цель ясна: вызвать коллапс нашей линии обороны на Тиссе и ринуться вперед по равнинам к Будапешту и Дунаю. Иван очень активен в воздухе. Окажется, что он занял целый ряд аэродромов в окрестностях Дебрецена, и мы снова вступаем в бой с численно превосходящим нас противником. Мы ослаблены потерей ряда самолетов, сбитых зенитками, а также плохо поступающими припасами и новым пополнением, которое оставляет желать лучшего. Советы не могут поставить себе в заслугу наше затруднительное положение, они могут лишь благодарить своих западных союзников, которые серьезно нарушили наши коммуникации в ходе атак четырехмоторных бомбардировщиков на города и железнодорожные станции...».

Кто бы сомневался! А то, что мы с боями до Дебрецена дошли, а вскоре сделали его столицей освобожденной Венгрии – пустилки. Но дальше – вообще песня: «Когда я приближаюсь к цели, я с трудом верю своим глазам: на большом расстоянии, к северу от Кечкемета по дороге движутся танки, это русские. Над ними, как виноградная гроздь висит густой зонтик советских истребителей, прикрывающих эту ударную группу. Один из сопровождающих

меня офицеров знает русский и тотчас же переводит мне все, что может разобрать. Советы опять используют для своих переговоров нашу частоту. Они кричат друг на друга и создают такой страшный шум, что окажется просто чудом если кто-нибудь из них сможет понять то, что ему говорят. Мой переводчик в 190-м может разобрать примерно следующее: "Вызываю всех Красных соколов – одиночная "Штука" с двумя длинными полосами собирается атаковать наши танки – мы уверены, что это тот самый нахальный нацист, который расстреливает наши танки – с ним несколько фоккеров. Атаковать эту "Штуку", а не фоккеров – его нужно обязательно сбить!". Во время всей этой суматохи я уже давно снизился к земле и произвел атаку. Один танк горит. Два ФВ-190 выются надо мной пытаюсь отвлечь несколько Ла-5... Вновь один из тех, кого я обстрелял, кричит: "Оглянись – будь осторожен – ты что, не видишь? Нацист стреляет в тебя". Он орет так, как будто уже был сбит. Другой пилот, наверняка командир этой части, говорит: "Мы должны атаковать его одновременно с разных сторон. Сбор над деревней, куда я сейчас направляюсь. Мы обсудим, что тут можно сделать"....».

Смешно: двадцать или тридцать истребителей, не зная, как подступиться к практически одинокому и беззащитному «лап-тёжнику» Руделя, отрывают за околицей партобсраение. Ну да, они без этого не могут. И ещё надо обратить внимание: «Для меня это самое очевидное подтверждение победы». То есть, между строк, можно понять так, что Рудель ударил по колонне один раз и сразу стал уходить как можно скорее и как можно дальше. Потому что видит результаты своей работы не своими глазами, а слышит о ней со слов авианаводчика. В переводе и в шуме боя! Но этого мало: «...Тем временем я атакую другой танк. До сих пор они не пытались прятаться, уверенные, что надежно защищены своими истребителями. Вновь один танк вспыхивает. Красные соколы кружат над деревней и ужасно орут, они все хотят высказаться, как лучше всего сбить мой Ю-87. Авианаводчик на земле в ярости, он угрожает, спрашивает, выдают ли они, что горят уже четыре танка... Мы направляемся домой, Иваны танка-то время идут за нами, потом поворачивают обратно. Еще какое-то время мы слышим укоры наземного офицера-авианаводчика и Красных соколов, которые приносят свои извинения...». Хотел охватывает: «Красные соколы, которые приносят свои извинения». Вряд ли переводчик смог бы перевести эти «извинения», а западный читатель – понять. Но западники – глотают и наших слушателей «Эха Москвы» дурят... Тем более, что такие советские лётчики, как мой брат о своих подвигах – не распространялись: «Лен-фронт. Апрель 1942 г. Здравствуй, дорогая мамочка! Сегодня у меня радостный день: впервые за много месяцев получил от тебя известие – целых три письма. Если бы ты знала, как я все это время волновался за тебя: можно сказать, что сегодня ты для меня воскресла... Теперь я почувствовал себя счастливым».

У меня все в порядке. За десять месяцев войны много всего было. В доказательство того, что я тоже воюю, могу сообщить тебе, что в марте получил орден

Красного знамени. Это так... Чобы ты знала, что твой сын не хуже других защищает родную Россию.

Прости за краткость. Много писать ружусли. Твой сын».

Время самых тяжелых боев начальной поры войны совпало с тяжелыми годами испытаний для нашей семьи. Мать была разлучена с отцом и с оставшимися дома, в прифронтовой Москве, дочкой и сыном. Письма старшего сына связывали их всех друг с другом. Так получилось, что юный летчик, чьи сверстники в наше время порой ещё только пытаются обрести самостоятельность, больше думал не о себе, ввергнутом в огонь войны, а о далеких близких. Не сам ждал поддержки, а стремился дать это другим – прежде всего маме, находившейся в заключении. Он с передовой мог послать ей и деньги, и посылки, и даже книги.

«Я не умею, дорогая, красиво писать, о своих переживаниях, не умею выкладывать душу на бумаге, но поверь – мне невозможно привикнуть к мысли, что ты будешь вынуждена терпеть такие лишения... А каково сознание невозможности помочь тебе? Помочь матери, которая сделала для меня всё, что было в ее силах».

Но ничего! Помни, где бы ты ни была, какие бы огорчения не терпела, я душой всегда с тобой. Твое горе – мое горе, твои трудности – мои трудности. Еще раз прошу тебя беречь свое здоровье, больше думать о счастливом будущем. А оно будет таким!»

Он воевал не за личные награды, а за это будущее, и не был многословен, когда писал о себе: «У меня все по-старому. Жив, здоров, бодр». Только несколько слов об ордене. А тот бой в самом начале войны принёс экипажу славу. Семь бомбардировщиков без истребителей прикрытия вступили в бой с двенадцатью «мессерами». Первым принял на себя атаку экипаж ведущего – капитана Алешина. Стрелок-радист Бобров, привязав к ноге люкковый пулемет, вёл бесприцельный обманный огонь, отпугивая гитлеровцев из-под хвостовой части, а из турельного – прицельный. Три вражеских истребителя были уничтожены экипажем. Весь полк побывал около машины, получившей более полусотни пробоин. Только на земле заметил, что пулей раздробило Коле правую часть шлемофона. Рваные следы пуль остались и на комбинезоне.

– В счастливой сорочке ты родился, – сказали тогда ему боевые друзья.

Мутноватая фотокарточка той поры. Молодой летчик в шлемофоне и комбинезоне у карты боевых действий. На обороте подписи: «Дорогой мамочке, увя, о самых тяжелых днях от горячо любящего сына». И снова уверен, не о своих фронтах в годах вспомнил он.

А вот письмо отцу, полное благодарности за дни, проведенные в лесах Подмосковья, за рассветы у чистых и рыбных тогда речек: «У меня все по-старому. Особых новостей нет. Только вот весна действует. Как никогда, часто вспоминаю былые времена, наши бесконечные походы. Хорошие были дни! Так хочется их повторить. Это было бы настоящим счастьем».

Не дождался он этих счастливых дней. Не увидел больше ни с родными, ни с первой своей любовью...

А неформатное письмо Хартманна, правда, уже жене Урсуле я нашёл. Оно провалось сквозь рогатки цензуры, когда пленённый американцами и выданный ас был в лагере на Вологодчине. Александра Паутова с 1945 года работала в Грязовецком лагере № 150 цензором. Её задача была – читать переводы писем заключённых. Вот что рассказывала в вологодской газете Александра Михайловна: «В лагере находилось 5000 военнопленных, в основном офицеры, а охраняло их всего лишь 89 солдат. Среди заключённых других национальностей были и немцы. Они отличались особой общительностью, очень приветливые были, только и слышишь “фройляйн”, “фройляйн”. Но мы относились к этому осторожно, да и запрещено было слишком много с ними разговаривать. Как-то один из немцев спросил меня: “Могла бы русская девушка выйти замуж за немца?” Я ответила: “Только если она изменница Родины”. Заключённые сами обеспечивали себя дровами и продовольствием, сажали много картошки. Кормили их хорошо, как солдат. Представляете, как в военное и послевоенное время солдат кормили? Лучше всех в стране. А потом 12 немцев сделали подкоп у реки Нурма и сбежали. Их всех очень быстро поймали, кроме одного майора. Того нашли аж в Польше». На вопрос, не помнит ли она заключённого по имени Эрих Хартманн, Александра Михайловна лишь махнула рукой: «Что вы! Их пять тысяч было, разве всех упомянуть...».

Паутова ли пропустила письмо Хартманна или кто другой, но оно сохранилось: «Моя дражайшая Ушмутти! – писал Хартманн жене 30 октября 1947 года уже из череповецкого лагеря, где он пробыл до октября 49-го. – ...После того, как мы поцарапались с русской администрацией, нас привезли в этот лагерь. Он находится километрах в 60 от Вологды. Живём в больших бараках – по 400 человек. Узкие дощатые лежанки, которые поднимаются. Уверен, что в Германии скот содержат лучше... Санитарные условия, как тысячу лет назад. Медицинское обслуживание сносное. Паек – 600 граммов хлеба, 30 граммов масла, 40 граммов сахара и 2 тарелки жидкого супа каждый день. Также дают чашку овсянки. Все голодают. Умывальников никаких, только деревянные корыта... Дистрофия – явление всеобщее. Мне кажется, что я усваиваю эту пищу неплохо, что и позволяет мне выдерживать и такую жизнь... Сейчас здесь зима. Грязная земля укрыта белым покрывалом, и вши и клопы стали нашими постоянными товарищами, они кишат сотнями и тысячами... В качестве германского героя я получаю со стороны русских относительно хорошее обращение. Однажды я попал на заседание “особого совещания”, своего рода суд, но был освобождён от него, так как сразу попросил расстрелять меня. Им это не подошло. ...Я могу только надеяться, что все это скоро закончится, и мы снова увидим друг друга и обнимемся. А до того мне остаётся лишь солдатская поговорка: “Выстоять и победить”. Мы снова встретимся и обнимемся, вместе мы будем счастливы...».

Не так скоро, но – получилось. Фрау Хартманн в 1954 году нашла отклик и в лице нового канцлера ФРГ Конрада Аденауэра. На следующий год, во время визита в Москву, Аденауэр потребовал от советского пра-

вительства скорейшего освобождения оставшихся немецких пленных. Новое советское правительство не стало осложнять отношения с набирающей мощь ФРГ из-за каких-то чудом сохранившихся гитлеровцев, и просьбу выполнили. Тем более, что взамен Западная Германия выделяла огромные товарные кредиты и финансовые займы. Можно заключить, что Хартманна выгодно обменяли. Осенью 1955 года он вернулся домой. Обвенчался с Урсулой. Поскольку ничего не умел делать, кроме как летать, принял предложение армии ФРГ и на время уехал в США, где инструктировал американских и немецких пилотов. В 1970 году, выйдя в отставку, увлёкся автогонками, создал несколько лётных школ для молодёжи. Умер от воспаления лёгких в сентябре 1993 года – при образцовом медицинском обслуживании, а в лагере – спокойно выживал, «уваивал пищу неплохо». Прожил 71 год, а мой брат погиб в 21 год... Тоже вроде – ни малейшего сходства.

Никакие параллели, кроме даты рождения 19 апреля, – тут не подходят. Ни по судьбе, ни по отношению к жизни, ни в военном отношении, даже если бы речь шла о лётчиках, летавших на самолётах одного типа. У нас истребители были заточены на победу в ВОЙНЕ и потому занимались охраной наших штурмовиков и ББ, или перехватом немецких. Свободная охота появилась с 43-го года, не всегда и не для всех. Немцы же были заточены на победу ИНДИВИДУАЛЬНУЮ. Потому у них ЛИЧНЫЕ счёта больше наших были по определению. Образно говоря, если бы наши ВВС состояли из одних Покрышкиных, война завершилась бы победой раньше, если бы немецкие Люфтваффе состояли из одних Хартманнов, наша победа – пришла бы ещё раньше. И вообще, сколько бы книг о немецких асах и героях ни выкинули на российский рынок, главную-то истину не опровергнешь: май 45-го объяснил, кто лучше воевал и победил в ВОЙНЕ. Как написал поэт из Тосно Николай Рачков про День Победы:

*Никак не перевыражат
нашу славу,
Вбивают в наш салют
за клином клин.*

*Зачем не сразу
взяли мы Варшаву?
Зачем поторопились
взять Берлин?*

*Да можно ль перечислить
поименно*

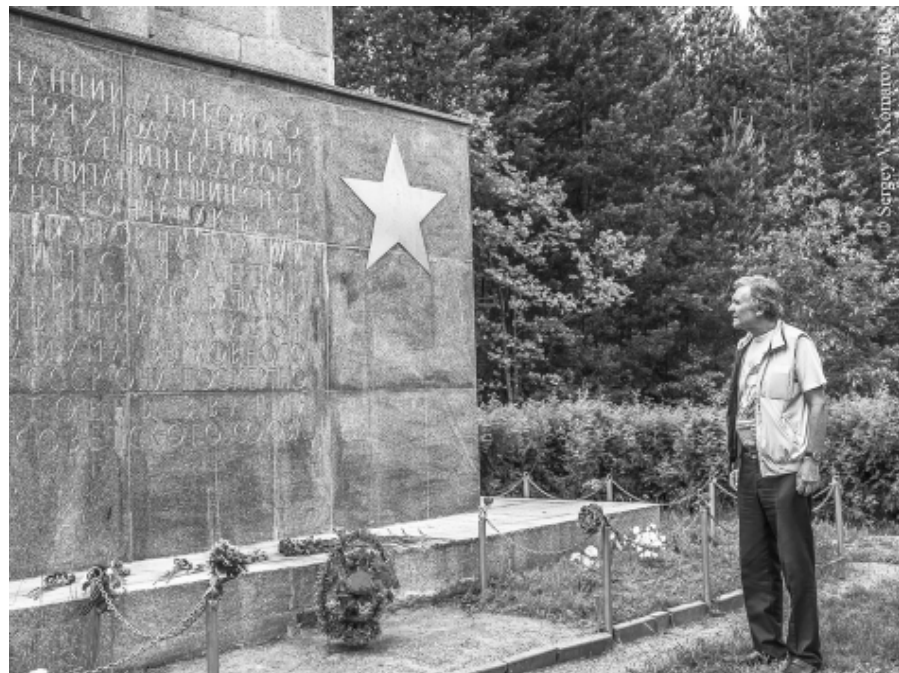
*Всех, кто легли
под братские холмы?!
А мы целуем красные знамена.*

*Враг был сильнее.
Но победили мы.*

Кто-то сомневается? Поезжайте в Берлин – там, даже в бундестаге, наглядные следы нашей Победы, за которую пал мой старший брат Николай Бобров.

Внучки Марина и Ольга Бобровы

А. Бобров у памятника в Лемболово